

ецца да пракручвання кіна- альбо фотастужкі: *Im dluzej lustrowalem ten epizod w pamięci (jakbym tam i z powrotem przesuwiał, klatka po klatce wycinek taśmy filmowej) ze gdy padły te słowa, gniewne oblicze Madame ściął na ulamek sekundy jakiś grymas czy skurcz* (A. Libera).

Такім чынам, можна адзначыць, што структура значэння лексемы памяць сведчыць, што ў свядомасці носьбітаў польскай мовы памяць звязана са сферай разумовай дзейнасці, міжсабовымі адносінамі чалавека, функцыяніраваннем у грамадстве, якое змушае кіравацца пэўнай сістэмай норм і правілаў, захоўваць і перадаваць з пакалення ў пакаленне пэўны пласт ведаў і традыцый. Семантыка сінтаксем, якія абазначаюць працэсы запамінавання, захавання і ўзнаўлення ў памяці, матывуецца таксама спецыфікай памяці як псіхалагічнага працэсу, які складаецца з некалькіх аперацый. У фразеалогіі гэтыя аперацыі прадстаўляюцца метафарычна з дапамогай другаснай намінацыі.

Літаратура

A Dictionary of selected synonyms in principal Indo-European Languages / By C.D. Buck. Chicago, 1949.

B r ů k n e r A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Słownik języka polskiego / Red nacz. Witold Doroszewski. Warszawa, 1958–1969.

Słownik współczesnego języka polskiego / Red nauk. B. Dunaj. Warszawa, 1996.

Паступіла ў рэдакцыю 08.02.2001.

Гушчава Вольга Ігараўна – аспірант кафедры тэарэтычнага і славянскага мовознаўства філалагічнага факультэта. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, дацэнт А.А. Кожынава.

Н.Г. СЛЫХАЛОВА

СОМАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ УДИВЛЕНИЯ В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В статье предлагается описание русских соматических речений (номинативных единиц русского языка, закрепленных за отражением жестов, мимики, поз, выражений лиц, симптомов душевных переживаний) со значением удивления в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

The article contains a description of Russian expressions denoting the gestures, facial expression, poses, countenances, outward physical symptoms of emotions with astonishment in Bulgakov's novel "The Master and Margarita".

Эмоциональная экспрессия – одна из базовых составляющих человеческой природы. В нашем распоряжении оказывается все больше и больше данных, свидетельствующих о том, что каждая из эмоций имеет свой специфический экспрессивный компонент. Очевидно, что, кроме мимики, эмоциональная экспрессия включает в себя голосовые и пантомимические проявления, менее изученные в настоящее время.

Как показано в работах Дарвина и в трудах современных ученых (см. Екман 1972), фундаментальные эмоции одинаково проявляются у представителей самых разных культур. Однако факт существования генетических механизмов фундаментальных эмоций вовсе не означает, что в жизни человека есть некие неизменные, немодифицируемые аспекты. Напротив, практически любой человек, взрослея, приобретает способность управлять врожденной эмоциональностью, в той или иной степени трансформировать ее. Кроме того, эмоции различаются своей интенсивностью – они могут быть как очень слабыми, так и очень сильными. Некоторые номинативные единицы закреплены за отражением значимых жестов, мимики, поз, симптомов душевных переживаний. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров предлагают называть данные единицы соматическими речениями (см. Верещагин 1990).

В романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова нами зафиксировано около пятидесяти случаев употребления соматических речений со значением удивления, причем соматическое речение может включать или не включать название эмоции. Приведем для примера несколько отрывков из романа:

– *Обе вы хороши, – звучно сказала Маргарита, переваливаясь через подоконник в кухню. Обе ссорящиеся повернулись на голос и замерли с грязными ложками в руках. Маргарита осторожно протянула руку между ними, повернула краны в обоих примусах и потушила их. Женщины охнули и открыли рты* (Булгаков 1988, 241).

Опасения Ивана Николаевича полностью оправдались: прохожие обращали на него внимание и оборачивались. Вследствие этого он принял решение покинуть большие улицы и пробираться переулочками, где не так назойливы люди, где меньше шансов, что пристанут к босому человеку, изводя его расспросами о кальсонах, которые упорно не желали стать похожими на брюки (Булгаков 1988, 64).

Швейцар у дверей, выкатив глаза и даже подпрыгивая от удивления, глядел на черную доску, стараясь понять такое чудо: почему это завизжал внезапно список жильцов (Булгаков 1988, 242).

Названия частей тела либо входят в состав соматического речения со значением удивления как компонент, либо в составе лексического значения других компонентов подразумевается участие той или иной части тела. Например:

1) глаза (девятнадцать случаев употребления соматических речений):

Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос. На коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиршином графинчике (Булгаков 1988, 88);

2) рот (восемь случаев употребления соматических речений):

Дух перехватило у Маргариты, и она уж хотела выговорить заветные и приготовленные в душе слова, как вдруг побледнела, раскрыла рот и вытаращила глаза (Булгаков 1988, 286);

3) тело (десять случаев употребления соматических речений):

– *А он попросту соврал! – звучно, на весь театр сообщил клетчатый помощник и, обратясь к Бенгальскому, прибавил: – Поздравляю вас, гражданин, соврамши!*

С галереи плеснуло смешком, а Бенгальский вздрыгнул и выпучил глаза (Булгаков 1988, 130);

4) плечи (пять случаев употребления соматических речений):

К необыкновенному исчезновению Лиходеева присоединилось совершенно непредвиденное исчезновение администратора Варенухи. Римскому было известно, куда он ушел, но он ушел и... не пришел обратно! Римский пожимал плечами и шептал сам себе:

– *Но за что?!* (Булгаков 1988, 127);

5) руки (четыре случая употребления соматических речений):

И тотчас все эти вещи, деревянные плечики с платьем, кружевные платки, синие шелковые туфли на распялках и поясok – все это посыпалось на пол. И Наташа всплеснула освободившимися руками.

– *Что, хороша? – громко крикнула охрипшим голосом Маргарита Николаевна* (Булгаков 1988, 237);

6) голова (четыре случая употребления соматических речений):

Удивление выразилось на лице секретаря, сгорбившегося над низеньким столом и записывавшего показания. Он поднял голову, но тотчас же опять склонил ее к пергаменту (Булгаков 1988, 34);

7) лицо (три случая употребления соматических речений):

В партере зашевелились, начали привставать, и, наконец, какой-то гражданин, которого, точно, звали Парчевским, весь пунцовый от изум-

ления. извлек из бумажника колоду и стал тыкать ею в воздух, не зная, что с нею делать (Булгаков 1988, 131);

8) брови (два случая употребления соматических речений):

Физиономия Бенгальского, пригорюнившегося сбоку сцены, начала выражать недоумение. Он чуть-чуть приподнял бровь, и, воспользовавшись паузой, заговорил:

– Иностраннный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами, – тут Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партеру, а потом галерее (Булгаков 1988, 130);

9) губы (один случай употребления соматического речения):

Никанор Иванович подумал, что он прибавит к этому: «Ну и аппетитик же у вас, Никанор Иванович!» – но Коровьев сказал совсем другое:

– Да разве это сумма! Просите пять, он даст.

Растерянно ухмыльнувшись, Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола покойника, где Коровьев с величайшей быстротой и ловкостью начертил в двух экземплярах контракт (Булгаков 1988, 107);

10) челюсть (один случай употребления соматического речения):

– Ну да, неизвестно, – слышался все тот же голос из кабинета, – подумаешь, бином Ньютона! Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате...

Буфетчик сидел неподвижно и очень постарел. Темные кольца окружили его глаза, щеки обвисли и нижняя челюсть отвалилась (Булгаков 1988, 215).

Можно выделить следующие типы физических изменений, происходящих в случае, когда субъект испытывает эмоцию удивления:

1. Кратковременная остановка в функционировании части тела:

Остолбенеv от этого слова «пилатчина», я развернул третью газету (Булгаков 1988, 152).

Тогда Никанор Иванович освободил дверь кабинета от печати, вынул из портфеля складной метр и шагнул в кабинет.

Шагнуть-то он шагнул, но остановился в изумлении в дверях и даже вздрогнул. За столом покойного сидел неизвестный, тощий и длинный гражданин в клетчатом пиджачке, в жокейской шапочке и в пенсне... ну, словом, тот самый (Булгаков 1988, 104).

2. Кратковременное экстраординарное функционирование части тела:

Прикрепленный к новому жилищу насильственно, Иван едва руками не всплеснул от развязности женщины и молча ткнул пальцем в пижаму из пунцовой байки (Булгаков 1988, 96).

– А, милейший барон Майгель, – приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю, у которого глаза вылезли на лоб, – я счастлив рекомендовать вам, – обратился Воланд к гостям, – почтеннейшего барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы (Булгаков 1988, 278).

– Да, мы – атеисты, улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

– Ох, какая прелесть! – вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора (Булгаков 1988, 23).

Кроме того, при выражении эмоции удивления наблюдается ряд конкретных изменений, зависящих от функционирования части тела, производящей соматизм. Так, например, для глаз характерным будет увеличение размера (например, вытаращить глаза, глаза полезли на лоб), для бровей – их движение вверх (поднять брови, приподнять бровь), для лица – изме-

нение цвета (*побледнеть, покраснеть*), для головы – изменение ее положения (*обернуться, поднять голову, вертеть головой*) и т. д.

Многообразие соматических речений со значением удивления можно объяснить несколькими причинами. В невербальном языке существует достаточно большое количество соматизмов со значением удивления. Поскольку сама эмоция может характеризоваться различной мимической и пантомимической экспрессивной реакцией, то закономерно использование различных соматических речений. Кроме того, один и тот же соматизм может быть выражен разными речениями: *выпучить глаза, вытаращить глаза, глаза полезли на лоб, глядеть, раскрыв рот*.

И положительные, и отрицательные эмоции различаются своей интенсивностью, они могут быть как очень слабыми, так и очень сильными. Чем больше степень удивления субъекта данной эмоции, тем больше производится движений, сопровождающих эмоцию удивления:

Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление. Пилат это и сделал с большим искусством. Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением (Булгаков 1988, 45).

Степа позвонил в Московскую областную зрелищную комиссию и этот вопрос согласовал (Степа побледнел и заморгал глазами), подписал с профессором Воландом контракт на семь выступлений (Степа открыл рот), условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в девять часов утра сегодня... (Булгаков 1988, 89).

Очевидно, что недоумение, изумление могут рассматриваться как различные по интенсивности явления внутри континуума удивления, что предполагает использование разных соматических речений, отражающих:

1. Собственно удивление:

Римский невольно ухватился за живот, присутствующие ахнули, а гример, заглядывающий в дверь, одобрительно крикнул.

– *Ваши часики? Прошу получить, – развязно улыбаясь, сказал клетчатый и на грязной ладони подал растерянному Римскому его собственность* (Булгаков 1988, 128).

– *Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире, – отрекомендовался назвавший себя Коровьевым и щелкнул каблуком рыжего начищенного ботинка.*

Никанор Иванович открыл рот. Наличие какого-то иностранца, да еще с переводчиком, в этой квартире явилась для него совершеннейшим сюрпризом, и он потребовал объяснений (Булгаков 1988, 105).

2. Недоумение:

– *А вы поройтесь у себя в портфеле, Никанор Иванович, – сладко предложил Коровьев.*

Никанор Иванович, пожимая плечами, открыл портфель и обнаружил в нем письмо Лиходеева (Булгаков 1988, 106).

– *Ничего не понимаю, – пожимая плечами и отъезжая с креслом от стола, говорил профессор. – Как же он может знать, когда вы помрете? Тем более, что он не врач!* (Булгаков 1988, 218).

Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая рассказы обо всех этих чудесах, и решительно не знал, что ему предпринять, а между тем предпринимать нужно было что-то, и именно ему, так как он теперь оказался старшим во всей команде Варьете (Булгаков 1988, 191).

3. Изумление:

Мастер вытаращил глаза, шепча:

– *Однако это будет, пожалуй, почище того, что рассказывал Иван! – совершенно потрясенный, он оглядывался и наконец сказал коту: – А*

простите... это ты... это вы... – он сбился, не зная, как обращаться к кому, на «ты» или на «вы», – вы – тот самый кот, что садились в трамвай? (Булгаков 1988, 293).

Тогда Никанор Иванович освободил дверь кабинета от печати, вынул из портфеля складной метр и шагнул в кабинет.

Шагнуть-то он шагнул, но остановился в изумлении в дверях и даже вздрыгнул.

За столом покойного сидел неизвестный, тощий и длинный гражданин в клетчатом пиджачке, в жокейской шапочке и в пенсне... ну, словом, тот самый (Булгаков 1988, 104).

Варенуха проделал все, что полагается человеку в минуты великого изумления. Он и по кабинету пробежался, и дважды вздыхал руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал:

– Не понимаю! Не по-ни-ма-ю! (Булгаков 1988, 116).

Поскольку обычное состояние сознания всегда характеризуется определенным уровнем эмоций, то они выступают как в сочетании, так и в конфликте с другим комплексом чувств. В романе «Мастер и Маргарита» наблюдаются следующие эмоциональные паттерны:

удивление и радость:

Тут в открытую дверь вбежала Наташа, как была нагая, всплеснула руками и закричала Маргарите:

– Будьте счастливы, Маргарита Николаевна! – Она закивала головой Мастеру и опять обратилась к Маргарите: – Я ведь все знала, куда вы ходите (Булгаков 1988, 294);

удивление и интерес:

– Именно, именно, – закричал он, Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора (Булгаков 1988, 34);

удивление и гнев:

– Нет, – сказал Пилат, – это не оттого, что душно, а тесно мне стало с тобой, Каифа, и, сузив глаза, Пилат улыбнулся и добавил: – Побереги себя, первосвященник.

Темные глаза первосвященника блеснули, и, не хуже, чем ранее прокуратор, он выразил на своем лице удивление (Булгаков 1988, 47);

удивление и страх:

Ему открыли немедленно, но буфетчик вздрыгнул, попятился и вошел не сразу. Это было понятно. Открыла дверь девица, на которой ничего не было, кроме кокетливого кружевного фартучка и белой накладки на голове...

Андрей Фокич охнул, заморгал глазами и шагнул в переднюю, снимая шляпу (Булгаков 1988, 210).

В процессе социализации человек приобретает способность управлять врожденной эмоциональностью. Несмотря на то, что Изард Кэррол Э. (см. Изард 2000) указывает, что в большинстве случаев эмоция удивления является положительной, использование соматических речений со значением удивления в романе «Мастер и Маргарита» наблюдается при описании ситуаций, когда в состоянии сознания субъекта доминируют отрицательные эмоции. Неспособность скрыть интенсивное мимическое и пантомимическое проявление удивления в том случае, когда данная эмоция выступает в сочетании с отрицательными, иногда наносит ущерб субъекту эмоции, так как тот рассматривается как неспособный скрыть сильные ощущения или впечатления:

– Охотно, – отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – не-

счастье... вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? Интервенты? (Булгаков 1988, 27).

Другой эффект возникает, когда удивление выступает в сочетании с иными положительными эмоциями (радостью, интересом):

Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и подбежала к нему (Булгаков 1988, 289).

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что концептуализация эмоций в значительной степени определяется языковыми факторами. Поскольку сфера эмоций недоступна прямому наблюдению, языковая фиксация симптоматических реакций и физических состояний, устойчиво ассоциируемых с различными проявлениями чувств, является основой, на которой в наивной картине мира формируется представление об их сущностных характеристиках. Из ведущей роли языка в концептуализации душевных состояний следует, что одна и та же эмоция, выраженная в языке разными способами, не тождественна самой себе.

Литература

Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 1988.

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

Изард Кэррол Э. Психология эмоций. СПб., 2000.

Ekman P., Friesen W.V., Ellsworth R.C. Emotion in the human face. New York, 1972.

Поступила в редакцию 18.09.2001.

Слыхалова Наталья Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И.С. Ровдо.